

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2016–2017 учебный год

Региональный этап

Первый тур

10 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Юрий Олеша Наташа	Николай Гумилёв Андрей Рублёв
------------------------------------	--

Юрий Олеша

Наташа

Старичок сел за стол, накрытый к завтраку. Стол был накрыт на одного. Стояли кофейник, молочник, стакан в подстаканнике с ослепительно горящей в солнечном луче ложечкой и блюдечко, на котором лежали два яйца.

Старичок, севши за стол, стал думать о том, о чём он думал всякий раз, когда садился утром за стол. Он думал о том, что его дочь Наташа плохо к нему относится. В чём это выражается? Хотя бы в том, что почему-то она считает необходимым, чтобы он завтракал один. Она, видите ли, его очень уважает, и поэтому ей кажется, что его жизнь должна быть обособленной.

– Ты известный профессор, и ты должен жить комфортабельно.

«Дура, – думает профессор, – какая она дура! Я должен завтракать один. И должен читать за завтраком газеты. Так ей взбрело в голову. Где она это видела? В кино? Вот дура».

Профессор взял яйцо, опустил его в серебряную рюмку и щёлкнул ложечкой по матовой вершинке яйца. Его всё раздражало. Конечно, он вспомнил о Колумбе, который что-то такое проделал с яйцом, и это его тоже разозлило.

– Наташа! – позвал он.

Наташи, разумеется, не было дома. Он решил поговорить с ней. «Я с ней поговорю». Он очень любил дочь. Что может быть лучше белого полотняного платья на девушке. Как блестят костяные пуговицы! Она вчера гладила платье. Выглаженное полотняное платье пахнет левкоем.

Позавтракав, старичок надел панаму, перебрал пальто через руку, взял трость и вышел из дому.

У крыльца его ждал автомобиль.

– Дмитрий Яковлевич... куда поедет? – спросил шофёр. – Туда?

– Туда, – сказал профессор.

– Наталья Дмитриевна велела передать...

Шофёр протянул профессору конвертик. Поехали. Профессор, подпрыгивая на подушках, читал письмо:

«Не сердись, не сердись, не сердись. Я побежала на свидание. Не сердись, слышишь? Штейн очень хороший парень. Он тебе понравится. Я его тебе покажу. Не сердись? Нет? Ты завтракал? Целую. Вернусь вечером. Сегодня выходной, ты обедаешь у Шатуновских, так что я свободна».

– В чём дело, Коля? – спросил вдруг профессор шофёра. Тот оглянулся.

– Вы, кажется, смеётесь?

Ему показалось, что шофёр смеётся. Но лицо шофера было серьёзно. Однако это не снимало подозрения, что шофёр смеялся в душе. Профессор считал, что шофёр в заговоре с Наташей. Франт. Носит какие-то удивительные – цвета осы – фуфайки. Он называет меня «Мой старик». Я знаю, что он сейчас думает: «Мой старик не в духе».

Автомобиль ехал по загородной дороге. Навстречу неслись цветущие деревья, изгороди, прохожие.

«Она мне покажет Штейна, – думал профессор. – Штейн хороший парень. Хорошо, посмотрим. Я ей сегодня скажу: “Покажи мне Штейна”».

Затем старичок шел по колено в траве, размахивая тростью.

– Пальто? Где пальто? – вдруг спохватился он. – Где пальто? Ага... в машине забыл.

Он шёл в гору, немного запыхался, снял панаму, вытер пот, посмотрел на мокрую ладонь, опять пошёл, ударяя по траве тростью. Трава с блеском ложилась.

Уже появлялись в небе парашюты.

– В прошлый раз я здесь стоял? Здесь.

Он остановился и стал смотреть, как появляются в небе парашюты. Один, два, три, четыре... Ага... и там ещё один, и ещё... Что это? Раковина? Как они наполнены солнцем! Высоко. Но говорят, что страх высоты исчезает... А-а... вот он, вот!.. Полосатый! Смешно. Полосатый парашют.

Профессор оглянулся. Внизу стоял синий, маленький, длинный, похожий на капсулю, автомобиль. Там цвели и колыхались деревья. Всё было очень странно и похоже

на свидание: небо, весна, плавание парашютов. Старичок испытывал грусть и нежность и видел, как через трещинки в полях панамы к нему проникает солнце.

Так он простоял довольно долго. Когда он вернулся домой, Наташи не было. Он сел на кушетку в позе человека, который сейчас поднимется, и просидел так час. Потом встал, уронив пепельницу, и пошёл к телефону. И действительно, в эту секунду телефон позвонил. Профессор в точности знал, что ему скажут, он только не знал, какой ему скажут адрес. Ему сказали адрес. Он ответил:

– Да я и не волнуюсь. Кто вам сказал, что я волнуюсь?

Через десять минут страшной гонки по улицам старичок надевал белый стучащий халат и шёл по длинному паркетному полу.

Открыв стеклянную дверь, он увидел смеющееся лицо Наташи. На середине подушки. Потом он услышал, как сказали: «Ничего страшного». Это сказал стоявший у изголовья молодой человек. На нём был такой же халат.

– Неправильно приземлилась.

Она повредила ногу. Всё было странно. Почему-то, вместо того чтобы говорить о несчастье, начали говорить о том, что профессор похож на Горького, только Горький высокого роста, а профессор маленького. Все трое и ещё женщина в халате смеялись.

– Неужели ты знал? – спросила Наташа.

– Ну конечно, знал. Я каждый раз приезжал, стоял, как дурак, в траве и смотрел!

Тут только старичок заплакал. Заплакала и Наташа.

– Зачем ты меня волнуешь! – сказала она. – Мне нельзя волноваться!

И плакала всё больше, положив руку отца под щеку.

– Я думала, что ты мне не позволишь прыгать.

– Эх ты, – сказал профессор, – обманывала меня. Говорила, что на свидание ходишь. Как это глупо. Я, как дурак, стоял в траве... Стою, жду... когда полосатый раскроется...

– Я не с полосатым прыгала! С полосатым Штейн прыгает!

– Штейн? – спросил старичок, опять рассердившись. – Какой Штейн?

– Это я Штейн, – сказал молодой человек.

1936

Андрей Рублёв

Я твёрдо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

Нос – это дерева ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб – как свод небесный,
И кудри – облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста – как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Всё это кистью достохвальной
Андрей Рублёв мне начертал,
И в этой жизни труд печальный
Благословеньем Божиим стал.